

Сердечная достаточность

В трудовой книжке Яна Габинского одно место работы, а в сердце одна любовь – кардиоцентр

Наталья ПОДКОРЫТОВА

В припеве Гимна кардиологов России, который поют и слушают стоя, есть такие слова: «Сердце / Мы отдаём другим./ Трудно./ Но нам нельзя иначе». Немного пафосно, но — правда. Его автор – руководитель Уральского института кардиологии Ян Габинский.

– Ян Львович, врачи делают «зарубки» – сколько жизней спасли?

– Наверное, больше тысячи. Но я галочки не ставлю. И свою сверхъестественную значимость не ощущаю: не Я спас, а МЫ спасли. В первые годы работы, теряя пациентов, сильно переживал. Довольно молодым почувствовал кожей, нутром, как хрупка и мимолётна человеческая жизнь: только была, и вот её уже нет. Поэтому, если тебе дано моральное право пролить эту жизнь, не можешь этим пренебречь. А можешь – уходи из медицины.

– Почему одни становятся хирургами, другие – терапевтами?

– Нередко выбор подсознательный, у кого-то призвание, у кого-то гены или характер: хирурги – часто прямые, суровые, жёсткие люди, терапевты – более интеллигентные, мягкие. Мне могла бы от мамы хирургическая жилка передаться. Но она отговаривала становиться хирургом. В 16 лет не понимаешь до конца, кем хочешь быть. На первых курсах интересовался терапией, анестезиологией, реанимацией, к третьему был уверен, что хирургия – не моё.

– На решение пойти в медицину больше повлиял пример мамы или брата?

– Володя уехал в медицинский институт, когда я ещё в школе учился. Думаю, влияние мамы. Была непревзойдённый авторитет. Во всём. Она так любила порядок, что мы даже на работу к ней боялись приходить. В Черновцах мама заведовала отделением в госпитале инвалидов, была главным хирургом города. Всегда – очень строгая, в белом колпаке. Дома же готовила, убирала, стирала, как обычная женщина. Как мама.

– Сердце, говорят, довольно примитивный орган, передать его гораздо легче, чем скажем, печень или почку. Но именно оно восето, опозитрировано...

– Без почки, скажу я вам, можно прожить, а без «примитивного» сердца – нет. Как бы просто не выглядело, оно держит жизнь в кулаке, перекачивая кровь, нужную всем органам для существования.

– Энергия вашего сердца больше тратится на борьбу или на поступательное развитие центра?

– Кардиоцентр – не просто больница. Я могу его сравнить с клиникой Чазова, с центром Лео Бокерия, Евгения Шляхта в Санкт-Петербурге. Борьбы было много. Всегда. Но грязь, которая выливалась, не прилипла. Я с удовольствием хожу на работу, глядя в глаза пациентам, иду в них ответную реакцию. И чувствую, что она положительная.

– А в глаза коллег часто смотрите?

– Коллеги – главная ценность моей жизни. Коллектив – наша общающая заслуга, моя забота и моя радость. Я в них вижу и классных специалистов, и людей, которые никогда не предадут. Настроение, царящее в кардиоцентре много лет, мне дорого.

– У вас мизерная текучесть кадров. Что держит людей? Профессиональный интерес, условия работы, атмосфера или просто некуда уйти?

– По опросам социологов, зарплата для врачей не всегда на первом месте. Оборудование и технология – тоже. Хотя это очень важно. Самое важное – человеческое взаимоотношения в коллективе и возможность профессионально развиваться, совершенствоваться.

– Про КВНы в свердловском мединституте до сих пор ходят легенды. Вы были капитаном команды. Над чем смеялись в молодые годы?

– Над политиками не шутили так активно, как сейчас. Скорее – над нашей жизнью. В 60-70-е – была другая страна, творческое начало вырывалось наружу, песни нашего времени хотелось петь. На первом кур-

се я собирал картошку в Краснофимском районе, а на следующих курсах в агитбригаде по полям ездил, пели и веселили студентов, поднимали боевой дух.

– Многие думают, что вы всего так и добивались, смеясь и играючи: в 28 – заведующий отделением крупной больницы, в 30 лет – кандидатская диссертация, в 41 – докторская...

– Завистливые взгляды всегда были: симпатичный парень пел в школьном ансамбле, играл в баскетбол, бегал в эстафете на чемпионате Украины, с красным дипломом закончил мединститут. Я не стремился быть отличником, но в аттестате у меня только две четвёрки. При этом учительница по украинскому языку считала, что мой брат Володя будет доктором, а я – шофёром.

Несмотря на лихость молодости, я вовремя понял, что главное в жизни – приносить реальную пользу. От учителей своих – Бориса Кушелевского, Семёна Бараца, Владимира Хейнонена, Игоря Оранского я воспринял кардиологический дух и твёрдую уверенность, что у школы должно быть продолжение.

Кто-то всю жизнь живёт во вторых ролях, и для него это хорошо. А кто-то хочет быть первым. Будучи человеком амбициозным, я реально оценивал свои возможности и локтями никого не распахивал. В трудовой книжке одна запись с 1976 года, когда я пришёл сюда врачом. Мне было 28 лет, когда срочно нужно было назначить нового заведующего отделением. В силу молодости меня хотели сделать исполняющим обязанности. И это уже было круто. Но тут проявились мои амбиции: «Или сразу заведующим или отказываюсь вообще. Или доверяете, или... Считаю – справлюсь». В меня тогда поверили, хотя претендовали и более зрелые, и более заслуженные доктора. Потом потекли анонимки, мелкие и не очень неприятности. Со временем всё перемололось. Я ставил перед собой цель и всегда старался её добиваться.

– Стали революционером?
– Я бы не сказал, что мы революцию совершили. В 1991 году начинали отделяться от больницы скорой медицинской помощи. Я был уверен, что и молодой человек может влиять на производственную ситуацию. По сути, мальчишка, принимал зачёт у солидных врачей в отделении. Оказалось, многие не знают новую литературу, не знакомятся с современными методиками. Коллеги в возрасте пытались меня переубедить, навязывали старые методы, не хотели овладевать современными технологиями, от которых зависела жизнь больных. Начались проверки, решил, оставить молодого Габинского или нет. А я говорил, что через два-три года мы должны полностью компьютеризировать процесс лечения. Тогда слово «компьютер» было не на языке совсем. Меня назвали мечтателем, но через пять лет всё и случилось.

– К вам прислушались? Ваше мнение было важным для окружающих? Имело вес?

– Моё мнение было важно, когда существовавшему. Хотя впоследствии оно оказывалось правильным. Мы двинули вперёд инфарктное отделение, стремились, чтобы у нас работали самые лучшие врачи. В 30 лет меня назначили главным кардиологом Екатеринбург, пришлось побывать в каждом подразделении: тогда создавались палаты интенсивной терапии и специализированные кардиобригады, мы учились овладевать реанимационными технологиями. Ломали устои.

– Один из самых первых моих материалов про кардиоцентр много лет назад начинался примерно так: «Пока сердце не заболит, человек не задумывается, что оно у него есть». Когда вы поняли, что у вас оно есть?

– В 2003 году, когда баллотировался в мэры Екатеринбурга. Тогда мои противники и оппоненты разыгрывали искусные партии, шёл в ход густо-чёрный пиар. Я стал четвёртым из двенадцати. Может, судьба отгородила от этого места? Страшный был период. Тогда и случился первый инфаркт, я на себе узнал, что это такое. Вся боль и

Главное пожелание Яну Львовичу от коллег и пациентов – «Пожалуйста, берегите своё сердце»

За многими процессами наблюдают сегодня через компьютеры, которые казались мечтой лет 30 назад

все тревоги рубцуются на сердце.

– Объединяющая заповедь для политика и врача – «Не навреди»?

– Да.

– Попытка быть публичным политиком – из числа авантюристов?

– Политика – инструмент самовыражения. Я знаю, что такое жизнь и смерть, и хотел для себя понять, представляю ли интерес для общества, могу ли решать проблемы обычных людей. Наверное, многое поначалу в моих словах и поступках было наивным. Но когда я понял, что как депутат не могу противостоять этой машине, попробовал свои силы на выборах мэра. Я очень благодарен тем 55 тысячам горожан, которые проголосовали за меня, поверив, что я могу быть честным с ними. Я пропагандировал гуманное отношение к людям.

– Как вы опишите свою кардиограмму судьбы?

– На ней есть разные зубчики. Вверх идут, вниз. Слава богу, верхние преобладают.

– А вниз глубоко идут?

– На треть.

– Какую роль в вашей жизни сыграли женщины?

– Если кардиохирурги преимущественно мужчины, то кардиологи – женщины. Это разумно: попавший в беду больше слушает женщину-врача, тянется к ней, как к маме. Она может убедить, уговорить, направить, пожалеть. И в нашем центре работают в основном женщины. И друзья преимущественно женщины. Мне повезло, наверное: они совершенно искренние, помнят в самые тяжёлые минуты. Они меня понимают и наставляют.

– У медиков Екатеринбург как вы достаточно полярное отношение...

– Мне рассказывали: в ма-

шине одного врача играл диск с моими песнями, он восхищался мелодией, словами. Когда водитель сказал, что автор – Габинский, врач разочарованно протянул: «Ну да, чувствуется, что ничего особенного». Я на смерть стою за интересы своего центра и коллектива. Кому-то это не нравится, у кого-то наверняка есть профессиональная зависть. Старался быть выше этого. Раньше было обидно. Человек должен жить в равновесии со своей совестью. В жизни много разных поступков, эпизодов, случайностей, требующих принятия решения. И они должны всегда согласовываться с голосом твоей совести, быть честными для тебя, чтобы было не стыдно внутри. Ты можешь соврать, приукрашивать, сказать не совсем правду, но внутри понимать, что принятое решение – голос твоей совести. И это не высокие слова. Я так старался жить и поступать. По внутренней справедливости. Невозможно всем нравиться. Я не композитор, не поэт, но кому-то моё творчество близко, кто-то получает удовольствие. Кого-то, безусловно, оно раздражает. Надо окружать себя людьми, с которыми тебе приятно.

– Но ведь они могут льстить?

– Это и есть жизнь. Чуть высунешь голову, тебе по ней обязательно стукнут. Первому всегда очень тяжело.

– Вы чувствуете себя первым?

– В некоторых делах – да.

– Вы состоятельный человек?

– Не бедствую.

– Первоочередная статья расходов?

– Питание. Здоровое питание. Три года мы делали передачу о сердце, и она заставляла вести здоровый образ жизни.

ни. Я научился себе отказывать в том, что вредит сердцу – переедать, есть жирное и острое, лежать на диване после ужина или обеда, возвращая в свою жизнь спорт.

– Вы болельщик?

– Страстный. Хожу на игры «Автомобилиста», на баскетбол, на футбол. Кричу на трибунах.

– Для сердца это полезно?

– С точки зрения врача, хорошо кричать на стадионе, это выброс негативной энергии. А если твоя команда выигрывает, вдвойне хорошо. Наши команды должны чаще выигрывать, они в ответе за здоровье горожан.

– Сколько вы стихов написали?

– Не знаю. Брат все записывал – на салфетках, на клочках бумаги, в тетрадках. Я однажды просто собрал самые любимые и записал. В нотной грамоте не особо силен, попросил, чтобы аранжировали. Записал диск.

– Нет чувства неловкости, что обнародовали в стихах сокровенное?

– Нет. Я пишу чаще всего для себя и своих близких. Признание в любви и верности, тоска в разлуке настаивают каждого. Выражают все по-разному. Я готов быть откровенным. Я романтичный, лиричный человек, у меня может петь или плакать душа. Для этого нужны особые нотки сопровождения. Ниточки, заложённые в меня родителями, я сумел познать и развить. Всё время пытаюсь всё успеть, что-то пробую, ищю новые возможности проявить себя. Я всегда был очень чувствительным, хотел, чтобы больше замечали мои внутренние проявления, чтобы меня понимали. Моё творчество вызывает раздражение у некоторых коллег, но ведь никто никому не запрещает творить.

– Что для вас свято?

– Семья. Я на первое место её ставлю, потом работу. Хотя мужчинам свойственен обратный порядок.

– Врач, директор, поэт, политик, отец, муж, дедушка. Какая из этих жизненных ролей ближе, роднее, значимее?

– Я не могу существовать даже без какой-то одной из них. Заберут меня музыку, и я сразу обеднею. Заберут кардиоцентр – я не представляю жизни без него. Внуков уже двое, и мне трудно передать словами те чувства, когда маленькие ножки шлёпают по полу, а к щеке прижимается детская родная щёчка. Ну как без этого можно жить?

– К вам многие идут за помощью, за советом. У вас самого есть такой человек, у кого бы вы просили совета?

– Единственным таким человеком была мама. В любой

день, год и час она всегда оказывалась рядом. Когда её не стало, я осиротел. Даже самые мои близкие люди – жена, дочь, брат – не заменят её. Когда мама умерла, я понял, что в жизни нет больше главного моего защитника, который поймёт в любой ситуации, прав я или нет. Она найдёт любые слова, оправдывая и поддерживая меня, и наставит на путь истинный. И в этом смысле я теперь очень одинок.

– Для своей дочери Илоны вы такой же единственный?

– Я думаю, ей тоже все-таки ближе мама. И не ревную. Она – удивительная девочка, и дай бог, всем таких дочерей.

– Вы хотите быть лучше других?

– Да. По-моему это хорошее стремление. Но надо быть разумным в этом чувстве. Остаться одному и только потому оказаться лучшим – вряд ли. Я никогда никому не завидовал. Чужие поражения не были моими победами.

Так же как и чужие победы не становились моими поражениями. Я мог присматриваться, смотреть, мог подражать, если мне это нравилось, тем людям, которые чего-то достигали. Но даже профессиональный завистник у меня нет. Мне кажется, что человеческого успех во многом зависит от возможностей, чаще всего объективных. Если бы они были, многие бы добивались большего.

– Вам важно, что о вас говорят?

– Гораздо важнее, что я сам о себе думаю по этому поводу. Это, конечно, пришло с годами.

– Есть вопрос, ответ на который боитесь услышать?

– «Сколько ещё осталось...?». Не знаю, много ли успел сделать, стоит ли потропиться с хорошими делами? Наверное, нет человека на земле, кто бы не боялся смерти. Не все признаются в этом. Я боюсь в частности, в институте воспитывал понимание, что сын хирурга должен воспринимать смерть как должное. С возрастом осознал, что хочется оставить память о себе, а времени всё меньше. В последнем интервью Игорь Кваша сказал, что много не успел, но главное случилось – «Современник». Я тоже сделал главное дело – создал центр кардиологии. Сегодня принято считать, что через 5-7 лет надо обязательно менять работу. Готов спорить. Если есть возможность выразиться на одном месте, то зачем уходить? Точно чего боюсь – быть в тисках. Не хочу дожидаться до момента, когда меня уже ничего не будет радовать.

ДОСЬЕ «ОГ»

ГАБИНСКИЙ Ян Львович
Родился 9 октября 1952 года в г. Черновцы в Украине. В 1975 окончил с отличием Свердловский медицинский институт по специальности «лечебное дело». В 1982 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1993-м – докторскую.

В 1985 году впервые в Свердловской области организовал палаты интенсивной терапии в кардиологических отделениях города. В 1986 году создаёт инфарктный центр по оказанию помощи больным с острым инфарктом миокарда (прообраз сосудистого центра). С 1997 года возглавляет кафедру внутренних болезней № 3 УрГМА. В 1998 году на базе инфарктного центра было создано крупнейшее специализированное учреждение – Свердловский кардиоцентр (сегодня Уральский институт кардиологии), который возглавил Я. Габинский. В 2011 году институт кардиологии включён в реестр лучших медицинских учреждений России.

Депутат Екатеринбургской городской Думы с 2000 года и по настоящее время. Региональный руководитель Всероссийского проекта «Здоровое сердце» по Свердловской области. Член общественной палаты Свердловской области в 2010 – 2012 гг.

Профессор, главный кардиолог Свердловской области и УрФО, член Президиума Российского кардиологического общества, действительный член РАЕН, заслуженный врач России.

Награждён орденом «За пользу Отечеству» им. Татищева, орденом знаком «Звезда Славы Отечества», за выдающиеся заслуги в науке и реализации их на практике вручена медаль Коха. За достижения в лечении ишемической болезни сердца награждён премией «Горючее сердце» в номинации «Спасение года» (2011 г.), удостоен звания «Почётный кардиолог России».

19 сентября 2012-го губернатор Евгений Куйвашев подписал указ о награждении Яна Габинского знаком отличия «За заслуги перед Свердловской областью» III степени.

Таким он начинал создавать кардиоцентр

Блиц-опрос

– Правда, что в детстве хотели стать футболистом?

– Да, гонял мяч очень долго. Играл в нападении.

– Когда забили последний гол?

– Ещё не забил.

– Любимое время года?

– Лето. Если осень, то очень мягкая, европейская, чтобы снега не было до декабря.

– Вид искусства, к которому особо расположены?

– Советская эстрада, песни прошлых лет. Люблю мелодрамы.

– Временипровождение?

– Обожаю лежать на раскладушке в саду и смотреть в небо. Или сидеть на стадионе.

– Вы подтверждаете слова Островского, что «самое дорогое у человека – жизнь»?

– А что может быть дороже? Это твоя, не чья-то другая, даже не того человека, с кем идёшь рядом. Ты идёшь по своей жизни, он – по своей.

– Есть книги, которые можете перечитать, фильмы, которые любите пересматривать?

– «Комсомольцы-добровольцы», «Чапаев», «Летят журавли», «Чистое небо» – я их просто обожаю. Из книг? Стихи – пожалуй.

– Какой период жизни считаете точкой опоры?

– То время, что провёл с родителями. Детство. До 16 лет. Благодатная пора.

– Любимое место на земле есть?

– Киев. Я очень люблю этот город. Крещатик, берега Днепра. Там прошло детство, там я раз и навсегда влюбился в украинскую речь, в музыку, которые слышал в детстве.

– Вы оптимист?

– Если жизнь даёт шанс быть оптимистом – да. Когда болят очень сильно, на время теряю самообладание, но мне помогают близкие и друзья снова стать оптимистом.

«Заграничная» жизнь: Украина, Черновцы, 1955 год